

приятый. Личный состав, вовсе не заинтересованный в результатах своих действий, поставленный в необходимость лишь слепо исполнять букву закона, бесконечные циркулярные правила. Мало того, рискующий подвергнуться крупным неприятностям при малейшем отступлении от инструкций и правил, несомненно, не только не может быть полезен для дела, но неизбежно должен мертвить весь ход его и коренным образом отравлять весь организм живого предприятия».¹⁰

В целом, можно отметить, что весь положительный опыт в организации сервисного обслуживания на Сибирской железной дороге связан как со стремлением Министерства путей сообщения и Управления железных дорог к мировым стандартам в данной области, так и с умением Управления Сибирской железной дороги адаптировать эти стандарты к достаточно сложным местным условиям. А отрицательный опыт, в свою очередь, представлял собой, как правило, следствие выполнения железной дорогой вовсе не свойственных ей как коммерческому транспортному предприятию функций. Организация перевозки переселенцев, обслуживание льготных пассажиров, складирование и размещение товаров стали именно такими «больными» местами Сибирской железной дороги и постоянно вызывали недовольство клиентов.

Тем не менее, сегодня трудно переоценить опыт, накопленный Сибирской железной дорогой в области организации сервисного обслуживания. На современном этапе реформирования отечественные железные дороги во многом вынуждены повторить путь, уже пройденный железнодорожным транспортом развитых капиталистических государств. Конкуренция, доступность транспортного бизнеса для частных капиталов, чуткое реагирование на потребности общества и государства становятся залогом успешности и рентабельности современного железнодорожного предприятия. В этих условиях вопросы качества и культуры сервиса предполагают не только соблюдение новейших стандартов в области обслуживания клиентов, но и сохранение и обогащение накопленного опыта. При этом возвращение утраченных традиций способно придать отечественным железным дорогам индивидуальное лицо.

¹ Любимов А.А. Развитие индустриального транспорта в среднем Прииртышье. 90-е гг. XIX в. – 1914 г. Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000. С. 81–82.

² Казимиров В.Н. Великий Сибирский путь. Иркутск, 1994. С. 98.

³ Киселев А.Г. К вопросу о ритме городской жизни // Проблемы культуры городов России: Материалы пятого всероссийского научно-практического семинара. Омск, 2004. С. 31.

⁴ Гаранина Л.С. Влияние Транссибирской магистрали на планировочное развитие и художественно-эстетическое формирование населенных пунктов // Транссиб и научно-технический прогресс на железнодорожном транспор-

те. Тезисы докладов научно-технической конференции. Ч. III. Новосибирск, 1991. С. 7.

⁵ Назимова В.Ш. Вокзал как символ крупного социалистического города (на примере Новосибирска) // Проблемы культуры городов России: Материалы пятого всероссийского научно-практического семинара. Омск, 2004. С. 114.

⁶ Аванесова Г.А. Сервисная деятельность: история и современная практика предпринимательства, менеджмент. М., 2004. С. 187.

⁷ Высочайше учрежденная особая Высшая комиссия для всестороннего исследования железнодорожного дела в России. Выпуск LXIX. Материалы по обследованию железных дорог. Сибирская железная дорога. СПб., 1912. С. 3.

⁸ ГАТО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 892. Л. 15.

⁹ Общий устав российских железных дорог. СПб., 1906. С. 9.

¹⁰ Лавров А. О коренных недостатках в организации железнодорожного дела в России // Вестник Омской железной дороги. 1917. № 11. С. 98.

Д. М. Шиловский

Сторожа порядка:

сибирская полиция в восприятии местного населения

Положительный или отрицательный имидж правоохранительных органов является не просто характеристикой эффективности их работы, достаточно часто он фигурирует как самостоятельный фактор, определяющий эту эффективность. С одной стороны, то, как ведется борьба с преступностью, влияет на общественное мнение, с другой, позитивное или негативное отношение населения помогает или мешает этой деятельности. Таким образом, специальное исследование общественных настроений представляется значимым в изучении истории полицейских служб. Между прочим, исследователю, занятому подобной темой (особенно в современном ее состоянии), необходимо учитывать, что и сам он не исключен из процесса формирования общественного мнения.

В отечественной историографии и публицистике отношение к полиции в основном негативное. В дореволюционный период авторы критиковали практику организации правоохранительной деятельности, упирая на необходимость проведения масштабной полицейской реформы. После 1917 г. началась критика самого института полиции как основы силового аппарата самодержавия. Нередко действия чинов полиции ассоциируются с действиями жандармов по борьбе с революционно-освободительным движением. Кстати, в Сибири малочисленность чинов обеих этих структур действительно приводила к смешению их функций. Факт быстрой (одномоментной) ликвидации полицейского аппарата в феврале–марте 1917 г. рассматривается как основное свидетельство его непопулярности и даже крайнего недовольства (ненависти) по отноше-

нию к нему. Этим же объясняется и традиция официального использования термина «милиция» для обозначения полицейских структур. Логика подобных рассуждений такова: долговременная порочная практика использования полиции для поддержания основ существующего строя, выражавшаяся как в борьбе с революционерами, так и в разнообразных препятствиях, чинимых властью на пути гражданско-правовой эмансипации, вызывала резко негативное отношение у населения. Накапливаясь, это недовольство и стало одной из причин революционных потрясений. Таким образом, после свержения самодержавия и реорганизации силовых структур о применении термина «полиция» и речи быть не могло.

В итоге возник терминологический казус. В словарях установилось четкое различие между дефинициями «полиция» – система особых органов надзора и принуждения, а также карательные войска внутреннего назначения, охраняющие существующий общественный строй путем непосредственного подавления; и «милиция» – административно-исполнительный орган государства, призванный обеспечивать охрану общественного порядка, собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций и учреждений от преступных посягательств и иных антиобщественных действий¹. При всей политической ангажированности этой терминологии, заслуживает внимания ее теоретическая нагрузка: полиция – ранний этап развития правоохранительных органов, на котором находятся капстраны; милиция – новый прогрессивный уровень, достижение социалистического развития.

Ряд положений этой теории не выдерживает критики: базирующееся на идейной основе негативное отношение к полиции могло оформиться только у просвещенной части общества, которая в России в целом и в Сибири в частности к концу XIX в. была невелика; борьба с революционным движением не являлась главной, а для жандармерии – единственной, задачей и т. д. Более того, большая часть этих теоретических построений не подкреплена доказательной базой. Уместна начальная постановка вопроса: каким было отношение к полиции? Признавая факт дискредитации полиции в глазах большей части общества, следует отметить необходимость тщательного изучения природы этого явления. В чем и как проявлялось недовольство действиями ее сотрудников? В задачи данной публикации входит ознакомление читателя с некоторыми материалами, позволяющими оценить отношение населения к полиции.

Круг источников по этой теме достаточно обширен. Пожалуй, самым известным из них является либеральная пресса. Эти публикации, содержащие критику существующего строя в духе идей законодательно-правовой регламентации общественной жизни, как раз активно использовались советскими историками. Автор данной статьи тоже попал под их влияние, предложив, например, на одной авторитетной научной кон-

ференции следующую характеристику морального облика полицейских: «Ближайшая исполнительница распоряжений всех вообще губернаторов – полиция, которая в Сибири по своему личному составу в громадном большинстве случаев представляет людей, смотрящих на службу с точки зрения возможно большей наживы, а на население – как на дойную корову. Зная, что он долго удержаться на месте не может, полицейский чиновник ловит на лету все, что попадает под руку, и без особенной тревоги ожидает временного причисления к губернскому правлению, а иногда выходит в отставку "по прошению" и передвигается на службу далее на восток. Вообще, полицейская служба здесь так поставлена, что порядочный человек избегает надеть полицейский мундир, – ибо по существующим окладам содержания, он должен или служить даром, или пользоваться "безгрешными" доходами»². На это было получено справедливое замечание о недопустимости использования столь экспрессивных и масштабных оценок, не подтвержденных конкретным материалом. Действительно, чаще всего оппозиционные авторы ограничиваются лишь общими рассуждениями, публикуемые же описания конкретных случаев полицейского произвола, как правило, не верифицируются.

В официальной прессе также можно обнаружить значительное количество материала позволяющего судить об отношении населения к полиции: «10 сего февраля [1906 г.] в с. Буланик Бийского уезда покончил жизнь самоубийством полицейский урядник 4 участка 1 стана Бийского уезда М. Д. Попугаев. В должности урядника Попугаев состоял с 1 апреля 1903 года, служебные обязанности исполнял с большим усердием и аккуратностью, не щадя ни здоровья ни даже своей жизни, отличался безукоризненной честностью и особым умением по раскрытию преступлений, обнаружению виновных и розыску похищенного. <...> Причиной самоубийства Попугаева послужила совершенная в ночь с 21 на 22 января сего года в с. Загайновском, Бийской волости, кража из лавки местного торговца Андрея Масунова товара на сумму 1500 р. Узнав об этой краже в день совершения и заподозрив в совершении ее К., проживающего в другом участке, Попугаев немедленно отправился туда, по дороге нашел несколько кусков утерянного злоумышленниками ситца <...>. При производстве розысков похищенного и производстве дознания, толпа из подонков местных жителей набросилась на урядника Попугаева, избивала его, почему он был отправлен в городскую больницу на лечение <...>. Попугаев душевно страдал, так как ему не пришлось найти похищенное и передать в руки правосудия виновных, а более всего потому, что в нанесении ему побоев участвовали и местные жители, вовлеченные по своему невежеству отдельными преступными личностями на причинение обиды ему, всю свою жизнь трудившемуся на пользу ближнего. У Попугаева осталась жена, семь человек детей в возрасте от 1 до 10 лет и престарелые отец с матерью <...>»³.

Описание этой трагедии оставляет противоречивое впечатление. Лейтмотив статьи, помимо просьбы семьи погибшего урядника о помощи, – создание положительного имиджа правоохранительных органов. Однако персонаж для этого выбран не совсем подходящий. Попугаев не обладал достаточной профессионально-психологической мотивацией и в целом психологической устойчивостью для полицейской службы. Об этом свидетельствует даже не возможный мотив самоубийства, а тот факт, что он бросил на произвол судьбы свое многочисленное семейство. Кроме того, самоубийство по действовавшему тогда законодательству считалось преступным деянием. Действия урядника по розыску также не отличаются профессионализмом. В соседнем участке находился свой урядник, с которым эти действия надо было согласовать. Отсутствие этого согласования может привести исследователя к мысли, что Попугаев понадеялся на свой авторитет или сам полицейский статус, что, тем не менее, не спасло его от массового избиения. Из приведенных рассуждений неоспоримым представляется лишь последнее – неуважение жителей к полицейскому мундиру. Таким образом, при работе с официальной печатью также возникает проблема верификации.

Все это убеждает в необходимости глубже проникать в историю каждого такого случая. Очень важно знать позицию каждой из сторон конфликта, понять мотивацию их поступков. Эту задачу позволяют решить архивные материалы. Например, полицейские расследования, – источник достаточно объективный. Традиционно в их задачу входило сбор возможно большего количества сведений о произошедших событиях. Следующие документы⁴, позволяют пролить свет на то, что могло стоять за описанным выше происшествием. В середине июня 1906 г. урядник 16 участка 3 стана Бийского уезда Кирьянов двумя телеграммами на имя уездного исправника сообщил о появлении на проходящей тогда в с. Усть-Чарышская Пристань ярмарке агитатора, который «[с] участниками окружает[,] кричит[:] правительство должно нас слушать не мы их» и «видимо старается вызвать бунт». Далее урядник просит прислать на 10 дней солдат для охраны ярмарки, или позволить ему выехать из села для доклада лично исправнику (во время ярмарок урядники не имели права отлучаться из мест их проведения). В практике составления служебных отношений тогда стало нормой преувеличивать степень опасности происшествий. Но из телеграмм явствует, что урядник чем-то сильно напуган. Приведенный ниже протокол изначально был направлен непосредственному начальнику урядника – частному приставу, которого, по всей видимости, не оказалось на месте. Отсюда апелляция к высшему начальству с воззванием о помощи. Вместо солдат в село для проведения дознания был направлен помощник уездного исправника Добров.

По прибытии он ознакомился с составленным урядником протоколом от 11 июня: «В с. Усть Чарышская Пристань Пристанской волости с

9 числа сего июня сроком на одну неделю открылась ярмарка, почему я 10 числа вышел на базарную площадь <...>, для наблюдения за порядком <...>, где, т. е. посредине площади, встретил лежащей пьяную женщину которая до того была пьяна, что ее рвало. Видя такие беспорядки, я приказал ее отвести на квартиру, дабы последняя проспалась. В это время ко мне подошел проживающий в с. Пристань Евграф Иванов Килин, занимающийся тут же на ярмарке торговлей мелочным товаром, и, не подавая с моей стороны ни малейшего повода, начал наносить мне оскорбления, выражаясь площадной бранью <...>. Добавляя то, что в настоящее время должны распоряжаться не правительство или какой-нибудь урядник, а мы сами, и если он захочет тут же на базаре повалить женщину <...> то также ему никто указать права не имеет <...>. И когда я приказал взять его и вести в каталажку, для того чтобы он проспался, то он начал реветь, что «разве я тебе урядник не дал взятки 3 рубля» и рванул меня за грудь, сорвал с груди две медали за поход в войну с Китаем и за войну с Японией, намереваясь нанести мне побои совместно с товарищами его, которые окружили меня со всех сторон. Видя такое безвыходное положение, мне пришлось Килина оставить. Тогда он, пользуясь компанией товарищей, еще пуще стал на меня наступать, и, благодаря только тому, что я мог вынуть шашку из ножен, [я] избежался от смерти. Проходя таким же образом по базарной площади 11 числа, также он Килин встревожил меня со своими товарищами и начал наносить мне оскорбления <...>, почему мне пришлось вынуть револьвер и сказать Килину: "не подходи", но избавляясь несчастного случая поспешил уйти. Того же 11 числа он Килин встретив меня, идущи по селу, также соскочил с телеги стал наносить мне оскорбления площадной бранью и ревел самые низкие и непочтительные слова, так что совестно слышать не только мне, а в особенности окружающим, а товарищи его возбуждали всех, чтобы завести бунт <...> Настоящий протокол представить его Высокоблагородию г. Приставу 3 стана Бийского уезда и просить о немедленном привлечении Килина к законной ответственности чем избавить меня от безвыходного положения».

Помощник исправника в продолжение расследования отобрал показания у нарушителя спокойствия и предполагаемого агитатора Килина, из которых выяснилось, что тот является крестьянином Пермской губ. За плату в 10 руб. он получил у местного сельского общества право торговать из лавки на базаре. «В 1906 г. мне полицейский урядник Кирьянов запретил было строить лавочку, но я обратился опять в общество, и общество вновь дало разрешение, и лавочку я выстроил. Немного времени поторговал мукой, орехами и другими продуктами, я купил в с[еле] дом за 180 руб. и деньги при волостных и сельских властях я отдал владельцу. Через некоторое время мне урядник Кирьянов заявил, что я не имею права торговать и жить домом в с[еле] и чтоб убирался из села. Я вновь

обратился к обществу за разрешением, но общество мне разрешения не дало, говоря, что мне и раньше никто не разрешал жить в с[еле]. Я, несмотря на это, остался жить в с[еле]. т. к. дома бросить мне жаль и в нем все мое благосостояние. 10 июня в день ярмарки я выезжал с возом орехов на базар. <...> 11 числа в воскресенье я тоже выезжал с орехами, и в этот же день часов в 10 утра, ко мне приехала из соседней дер[евни], куда я раньше ездил сватать вдову солдатку, моя невеста с сестрой и зятем т. к. они <...> [собирались] во время ярмарки осмотреть мой дом и торговлю. <...> Я свою невесту старался угостить хорошенько, и она вышла довольна, много захмелела. <...> Ее увезли к моей лавочке и возу с орехами. Невеста села на ступеньки лавочки и потребовала пить. <...> После чего почувствовала себя дурно, и я посоветовал ей идти в ее телегу, которая стояла за лавочкой и за базаром. <...> В то время как меня толпа окружила с требованием отпусти[ть] орехи, мне кто-то сказал что мою невесту хотят вести в каталажку. Я бросился к ней навстречу и увидел, что какие-то люди без знаков должностных лиц и урядник Кирьянов хотят заворотить лошадь с телегой, на которой лежала вся облеванная моя невеста, но зять и сестра не дают вести в каталажку, а просят отпустить их домой, я тоже обратился с просьбой не трогать невесты <...> Во время нашего разговора с урядником, мою невесту родные увезли домой. Урядник начал ругать меня, и схватил за рукав моего пальто, желая скрутить мне руки и отвести в каталажку. Тут подступили и другие люди, желая схватить меня, но я вырвался и бросился бежать, крича о помощи. Ко мне навстречу несколько человек российских (народ, проживающий рядом с селом на кабинетской земле, сдаваемой в аренду) и стали говорить уряднику, что без вины человека брать в каталажку не следует, но урядник со своими людьми настиг меня, свалил с ног и хотел взять, я не давался и отбивался от них. Тогда урядник выхватил шашку из ножен и говорит, что он меня зарубит, я ответил, что пусть рубит, но в каталажку не пойду, но все-таки меня повели, и урядник нанес мне кулаком несколько ударов задницу. Несколько времени спустя урядник с своими людьми ушел, и я встал и пошел к своему возу с орехами. На возу сидел брат старосты продавал орехи и раздавал так даром и сыпал себе в карманы». Стычку, произошедшую на следующий день, Килин объяснял отказом урядника составить протокол о краже орехов.

При дальнейшем разбирательстве история «обрастает» новыми интересными подробностями. Так, на сходе собранном помощником исправника крестьяне заявили, «что во время ярмарки, когда урядник хотел посадить в каталажку пьяную женщину <...> Килин заступился за женщину и выгнал урядника с ярмарки, так как около Килина были толпа крестьян его односторонников, которая стояла за него Килина, крича на

весь народ что теперь не то время чтобы слушать правительство, не мы должны слушаться его, а оно нас, и служить оно нам должно, а не мы».

Из сопоставления материалов расследования вытекает следующее. Основанием для столкновения стал застарелый конфликт между урядником и крестьянином по поводу «натурализации» последнего на новом месте проживания. Начало конфликта связано со строительством Килиным лавки до получения разрешительного приговора местного общества. Как изложил Кирьянов в дополнительном объяснении, «я увидел что Килин строит лавку, и спросил его, приобрели приговор. Килин ответил отрицательно и добавил, что тебе дела нет <...> Спустя продолжительное время я с Килиным встретился в сельской сборне, где с Килина просили уплатить недоимку за Кулака <...> Килин покупая дом не спросил общественников, Кулак продал дом и уехал не заплатив общественникам недоимку, я тут тоже сказал что, Вы господин Килин поставили лавку без приговора, а теперь купили дом неспрося общественников». Имел место факт взятки или нет неизвестно, но Килин, описывая покупку лавки и дома, не объясняет позиции урядника и общества, равно как и свои действия при отказе покинуть село по указанию урядника.

Инициатором столкновения стал урядник, попытавшись забрать пьяную женщину в каталажку. Но сделал это непредумышленно, т. к. скорее всего не знал что за женщина перед ним. В целом же он действовал в рамках закона. На обострение пошел подвыпивший Килин, показания которого в описании произошедшего на базаре весьма противоречивы. Если целью Кирьянова была месть Килину, то почему урядник, располагая поддержкой старожилов, позволил родственникам увезти «пьяную невесту», почему избитого Килина так и не довели до каталажки. Дело повернуто таким образом, что целью урядника было избиение, а оружие использовалось для запугивания.

Самое интересное, что помощник исправника действия Кирьянова расценил как неправильные, отметив в своем рапорте: «Килина винить в том, что он защищал свою невесту нельзя, потому что мне кажется, что долг каждого человека мужчины стать в защиту женщины ни в чем не повинной, а в особенности невесты, а как человек разгоряченный вином мог и резко выражаться. Уряднику Кирьянову следовало просто принять пьяную женщину увести с ярмарки, и тем инцидент был бы исчерпан, но Кирьянов вступил в пререкания с Килиным и тем вызвал грубости по своему адресу со стороны Килина». Впрочем, для следователя главным в этой ситуации являлось предотвращение возможного более масштабного конфликта между старожилами и новоселами, который мог спровоцировать урядник: «Кирьянов приказал тащить Килина в каталажку, и его потащили <...> Окружающие эту сцену, видя что Килина тащат в каталажку без вины стали просить урядника не брать его», затем «толпа, преимущественно состоящая из крестьян Европейской России, к которым

принадлежит и Килин, стала силой отнимать Килина <...> урядник обнажил шашку <...> Если бы Кирьянов ударил Килина шашкой, то неизбежно произошла бы схватка между крестьянами старожилками и <...> пришлым элементом». Итогом умозаключений Доброва стало следующее «соломоново» решение: Килина за то, «что он при всем народе осмелился ругать урядника» подвернуть аресту на две недели; Кирьянову «за нетактичность его поведения» объявить строгий выговор или послать на несколько дней дежурным при становой квартире.

Из этой, а также множества подобных ей историй, бесспорным представляется вывод о том, что урядник не воспринимался местными жителями в качестве полноценного представителя власти. Жители имели весьма смутное представление об обязанностях, компетенции и наказаниях за оскорбление чинов полиции. Возвращаясь к началу обзора источников, следует отметить справедливость заявлений либеральных журналистов как части общей картины восприятия полиции населением.

¹ Юридический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия. 1984. С. 262, 174.

² Сиб. вестник. 1885. 20 июня.

³ Томские губернские ведомости. 1906. 15 марта.

⁴ ЦХАФАК. Ф. 189. Оп. 1. Д. 22. Л. 142–152.

А. В. Филатов

Строительство и размещение каторжных тюрем Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века

Ссылка в Сибирь занимала особое место в истории России. Возникнув в XVI в. как удаление отдельных противников государства и государя, со временем она приняла постоянный, массовый характер. Современного исследователя не могут не поражать масштабы этого наказания: только за XIX в. в Сибирь было сослано около одного миллиона человек. К концу XIX в. вопрос о сибирской ссылке стал одним из самых жгучих, его решение затрагивало интересы всех классов и слоев общества. На всех этапах истории российской империи прослеживается не только тесная взаимосвязь тюрьмы и государства, но и значительная роль тюрьмы в сохранении и укреплении существовавшего политического строя.

Исследуя законодательную базу эпохи, можно убедиться, что на протяжении всего периода существования империи в само содержание понятия каторжного режима было привнесено немало изменений. Тем не менее, отметим, что на всех этапах развития карательной политики самодержавия каторга оставалась одним из наиболее суровых наказаний, а ее атрибутом являлись каторжные тюрьмы.

Территориальные границы данного исследования определены с учетом отсутствия в отечественной литературе единой точки зрения по поводу установления точных пределов Восточной Сибири. На протяжении XIX–XX вв. они систематически менялись. Сегодня это территория Красноярского края, республик Бурятия и Хакасия, Иркутской и Читинской областей, понимаемая как Восточная Сибирь.

В период с 1822 по 1917 гг. в Восточной Сибири каторжные тюрьмы были сосредоточены в Иркутской губернии и Забайкальской области. В Иркутской губернии находилась лишь одна каторжная тюрьма. Она была расположена в старинном селе Александровском Усть-Балейской волости Иркутского округа (с конца XIX в. – уезда) примерно в 70 верстах от губернского центра и называлась Александровский централ. Статус центральной каторжной тюрьмы был получен в 1873 г.¹, однако следует отметить, что местом отбывания каторги это заведение стало значительно раньше. Дело в том, что централ располагался в помещениях Александровского винокуренного завода. Александровский завод был окружен дремучей тайгой и болотами, река Ангара протекала примерно в 15 верстах от самого села – все это, по мысли властей, создавала почти непреодолимые препятствия для побега каторжников. Надзором за ссыльными на заводе и поимкой беглых занималась специальная казачья команда, состоящая из двух урядников и 29 казаков. Для отбывания каторги на Александровском винокуренном заводе правительство направляло не только закоренелых преступников. Среди рабочих-каторжан были и политических противников царского режима, например, В. Давыдов и А. Муравьев², Я. Высоцкий, Ф. Мальчевский и др.³ По сведениям Главного управления Восточной Сибири ко времени закрытия завода и присвоения ему статуса центральной каторжной тюрьмы (соответственно 1871 и 1873 гг.) в селе Александровском находилось около 500 каторжан, относящихся к категории «политических преступников»⁴.

Увеличение числа каторжников в царских тюрьмах, в том числе и вновь открытым Александровском централе, было невообразимо. Старые деревянные корпуса завода не только обветшали, но были просто не приспособлены к приему резко возросшего числа арестантов. Поэтому уже в 1872 г. начинается строительство первых каменных зданий, которое с небольшими перерывами велось до середины 90-х гг. XIX в. Американский журналист Дж. Кенан, проведший в Сибири почти год и посетивший в Александровский централ, оставил следующее любопытное описание этой каторжной тюрьмы: «Александровская... тюрьма представляет собой 2-х этажное кирпичное здание с жестяной крышей...» Основное строение было окружено «высокой кирпичной стеной». Размеры здания Кенан приблизительно определяет в 300 футов в длину и 100 футов в ширину⁵.